

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
В18

Варденбург, Дарья.

В18   Марта с черепами : [для старшего школьного возраста] / Дарья Варденбург. — М. : Самокат, 2020. — 192 с. — (Встречное движение). — ISBN 978-5-91759-945-8.

Шестнадцатилетняя Марта выбирает между успешной мамой и свободолюбивым папой-бессребреником с чудаковатой бабушкой. Марта не собирается жить по чужим правилам. Динамичная, как ни на что не похожий танец на школьном конкурсе, история Дарьи Варденбург — о молодых людях, которые ломают схемы и стереотипы, потому что счастье у каждого своё, и решить, какое оно, можно только самому.

ISBN 978-5-91759-945-8

© Варденбург Д., текст, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательский дом «Самокат», 2020

ДАРЬЯ ВАРДЕНБУРГ

Марта с черепами

Москва Самокат

Денис отнял ладони от лица и покосился на помойку за своим правым плечом.

— Из другой помойки, — сказала я.

— Не помню, — сказал Денис. — Что вообще было-то?

Я уже открыла рот, чтобы начать описывать сегодняшний день с самого утра, но поняла, что это не имеет смысла, если Денис забыл не только день сегодняшний, но и вчерашний, и позавчерашний, и поза-поза...

— А что ты вообще помнишь? — спрашиваю.

Он взглянул на меня как больной енот из контактного зоопарка, потом повесил голову и опустил руки на свои рваные кеды. Мне захотелось погладить его стриженный затылок и тонкую шею, я уже дернула рукой, но тут меня осенило, что все это опять-таки не будет иметь смысла, если он...

— Денис, — говорю я, покрываясь мурашками, и голос какой-то не мой. — Денис, а ты помнишь, кто я такая?

1

Все началось два месяца назад, в конце марта.

Мы стояли друг перед другом, его правая рука лежала у меня на спине, и я чувствовала температуру этой руки через рубашку.левой рукой он взял мою правую, и наши соединенные ладони ощутило потели.

— Ты зачем это сделала? — прошипел он, глядя мне куда-то в шею.

Если бы я сделала полшага к нему, мои губы при-шлись бы ему в лоб. Это значит, что он ниже меня на полголовы, а не на целую голову, как мне показалось сначала.

— Рука вспотела, — сказала я, высвобождая ладонь.

Я вытерла ладонь о рубашку, а он завел руку назад и незаметно, как ему казалось, потер ладонью о джинсы.

— Надо тальк взять, — сказала я. — Знаешь, как у скалолазов. Мешочек на пояс повесить.

Денис помычал. Я подняла руку, он поднял свою, и мы снова соединили ладони. Он слегка подался вперед и сказал негромко:

— Тальком младенцам попки посыпают. У скалолазов в мешочках магнезия.

— Окей, — говорю. — Спасибо за информацию.

— Мне играть? — крикнула сидевшая за фортепиано Лусинэ.

Я ответила «да», и Лусинэ, спотыкаясь и путаясь, заиграла вальс Штрауса. Я шагнула назад, Денис шагнул вперед, и мы задвигались под музыку, стараясь не сбиваться с «раз-два-три». С одной стены на нас смотрели Моцарт, Бетховен, Чайковский и Бах, с другой — Высоцкий, Шостакович и Курёхин. Парты мы сдвинули к окнам, чтобы они не мешали нам танцевать. Кроме нас троих, в кабинете музыки никого не было. Рита Ге-

оргиевна оставила ключи Лусинэ и отбыла, сказав на прощание, что за шкафом есть печенье и мы можем его съесть. Огромный шкаф большой протяженности, поставленный на некотором расстоянии от тыльной стены кабинета, скрывал за собой закуток с маленьким столом, электрочайником и запасами пряников и стоптанных туфель. Учителя тянет иногда побыть одному, и некоторым повезло соорудить себе в кабинете потайные комнаты — в моей старой школе такие были у исторички и математички. А у химички была целая лаборатория — и не за шкафом, а за каменной стеной, — туда она пустила только русичку и биологичку.

— Вид у нас, небось, — пробурчал Денис, двадцатый раз стучаясь со мной ботинками.

Я остановилась, разулась и велела разуться ему. Мы стали танцевать в носках, и дело пошло — наши ноги больше не натывались друг на друга. Но, как оказалось, оставалась еще одна проблема — аккомпанемент. Каждый раз, когда Лусинэ приходила до того места, где Штраус, набрав разгон, вот-вот вырвется на новый уровень вихрения, она бесцеремонно затыкала композитору рот — просто обрывала игру и после секундного замешательства начинала вальс с начала.

— Я дальше не умею, — Лусинэ лучезарно улыбнулась, что было совершенно не к месту.

— Ты же сама вызвалась играть, — сказала я, не понимая.

— Ну да, — кивнула Лусинэ, продолжая улыбаться. — Больше никто не захотел.

— Ты же ответственная за кабинет музыки, — сказала я, все еще отказываясь понимать.

— Ну да. Больше никто не захотел быть ответственным.

— Так, — сказала я, высвобождаясь из рук партнера. — Ты же наш аккомпаниатор.

Я подошла к Лусинэ и встала над ней.

— Ну да, — подтвердила сияющая Лусинэ. — Больше нет никого.

Я повернулась вокруг своей оси, оглядывая класс. В углу рядом с умывальником стоял проигрыватель с колонками. В огромном шкафу у тыльной стены хранились, наверное, сотни старых пластинок.

— Там железно есть какой-нибудь вальс, — указала я Лусинэ на шкаф. — Будешь аккомпанировать на проигрывателе.

Мы втроем водрузили проигрыватель и громоздкие колонки на учительский стол и после некоторой возни подключили провода к правильным входам и выходам. Покопавшись на полках, нашли нескольких Штраусов. Пока мы перебирали диски, за шкафом пару раз что-то тихо стукнуло. Лусинэ каждый раз замирала и громким шепотом сообщала, что это мыши. Мы с Денисом заглядывали за шкаф, но ничего подозрительного не видели. Ни одной живой души, только крошки на столе Риты

Георгиевны. В конце концов мы забрали оттуда пакеты с печеньем и сухарями, чтобы не соблазнять гипотетических мышей, и съели половину этой мучнистой чепуховины, запивая водой из-под крана.

Когда спустя два часа мы выходили из опустевшей школы, курящий в голых зимних кустах охранник затрещал ветками, пытаясь от нас схорониться (а ну как мы директору доложим про его незаконное курение на пришкольной территории). Мы обернулись, и я краем глаза заметила в окне кабинета музыки какое-то быстрое движение. Словно там было что-то — и исчезло.

2

Вообще-то мне следовало гораздо лучше понимать Лусинэ. Она вызвалась сопровождать нас с Денисом, потому что больше никто не захотел. А я вызвалась танцевать с Денисом, потому что больше никто не захотел.

В тот день наша классная И Дэ начала первый урок с внутренних монологов Раскольниковова, а я начала считать дни до конца учебного года, загибая пальцы под партой. (Я умею считать и без пальцев, но голос И Дэ сбивал меня с толку.) В новой школе я просидела уже десять рабочих дней. С каждым днем я чувствовала, как извилины в моем мозгу всё гуще зарастают плесенью. Эта школа — с ее бледно-желтыми стенами, стертым ли-

нолеумом, тошнотворным запахом капусты из столовой, учителями, которые все были женского пола и вечно чем-то обеспокоены, одноклассниками, которые тоже были преимущественно женщинами и выглядели не бодрее улиток, — погружала меня в опасное сомнамбулическое состояние. Еще немного — и я стану как они. Или сойду с ума и с воем выпрыгну в окно. Или они меня съедят, предварительно усыпив.

— Лус, — позвала я шепотом и ткнула в мягкую спину одноклассницы шариковой ручкой.

Лусинэ ойкнула и обернулась.

— А куда вы своих парней дели? — шепотом спросила я. — Сож-жрали?

В классе было всего четверо мальчиков и двадцать одна, если считать меня, девочка.

— Они после девятого в колледж ушли, — прошептала Лусинэ и быстро отвернулась от меня, пока И Дэ не заметила.

Что за колледж? Побегу туда немедля. Хотя если парни, которые ушли, были примерно такие же, как те, что остались, не стоит топтать кроссовки. Потому что остались в этом классе: большой и грузный Харитонов на последней парте в углу, который ни с кем не разговаривал, ничему не улыбался и постоянно почесывался, два прыщавых приятеля Веня и Даня, которые общались только со своими телефонами, и маленький румяный Денис, который выглядел лет на двенадцать.

Пока я недоумевала, в какое тоскливое болото меня занесло, И Дэ внезапно перешла от духовного преобразования Раскольникова к департаменту образования города Москвы и сообщила, что наша школа должна выставить на объявленный департаментом конкурс пару вальсирующих камикадзе. «Вальсирующие камикадзе» — это я от себя добавила.

— У нас уже есть один участник — наш Денис! — с воодушевлением объявила И Дэ и стукнула лакированными ногтями цвета баклажан по плечу Дениса.

Мне с моей шестой парты было видно, как покраснели его уши на второй.

— Девочки, кто составит Денису пару?

Гробовое молчание девочек.

— Ну же! — оглядела класс И Дэ. — Это очень престижный конкурс, плюс сто очков к вашему портфолио.

Какое еще портфолио, что она несет.

— Татьяна Геннадиевна столько сил приложила, чтобы наша школа участвовала, — продолжала И Дэ. Татьяна Геннадиевна — это директор, ее массивная цилиндрическая фигура и лишенное всяких эмоций лицо наводили меня на мысли о трубах парового отопления. — В лепешку буквально разбилась Татьяна Геннадиевна! Оля, ты?

Оля на первой парте мелко затрясла головой. И Дэ сжала худые руки с баклажанными ногтями в кулаки и еще раз обвела взглядом класс. Девочки изо всех

сил старались не встретиться с ней глазами. Наблюдать все это было невозможно.

— Я буду участвовать, — сказала я.

И Дэ уставилась на меня, Лусинэ развернулась и уставилась на меня, все девочки уставились на меня. Веня и Даня оторвались от своих экранов и таращились на меня две секунды, прежде чем снова нырнуть в телефоны. Даже Харитонов бросил на меня непроницаемый крокодилий взгляд из-под полуопущенных век. И только Денис как сидел лицом к доске, так и остался.

3

— Так зачем ты это сделала? — повторил свой вопрос Денис, когда мы сперва попрощались с курящим в кустах охранником, затем — с Лусинэ, которой надо было в другую сторону, и остались одни.

— А ты зачем? — спросила я.

Навстречу нам катилась мелочь на самокатах, и нам пришлось разойтись в стороны, чтобы их пропустить. Потом мы снова стали сближаться, потому что разговаривать на расстоянии двух метров не очень удобно, и нечаянно задели друг друга локтями. Синхронно отшатнулись, после чего аккуратно соблюдали дистанцию минимум в полметра. Несмотря на два часа спотыкающегося вальса, мы чувствовали себя друг с другом жутко

несвободно. Просто две дубовые колоды на ножках — одна метр восемьдесят, другая метр шестьдесят. Можно ли исполнить хоть сколько-нибудь приличный танец в таком деревянном состоянии?

— Я в другую школу буду поступать, — сказал Денис.

— М-м, — промычала я, продолжая размышлять о колодах.

— Девять конкурсов за этот год. Этот будет десятый. Это все для портфолио. Ботан из меня никакой, олимпиады по математике и физике я не выигрываю. Даже по русскому. Так что выехать могу только на портфолио.

— Погоди, что еще за портфолио? — очнулась я.

— Ну, папка такая с достижениями. Участвуешь в конкурсах типа «Дорогами боевой славы», «Боевое будущее», «Помоги мэру», «Кило крышечек»...

— Крышечек?

— Собираешь крышки от бутылок и сдаешь, а вырученные деньги идут на благотворительность.

— Тебе платят за крышечки?

— Да не мне! — потерял терпение Денис. — Я вообще никаких денег не видел и не знаю, где они. Мое дело — насобирать бутылок по помойкам, скрутить с них крышечки и отвезти на конкурс. И диплом для портфолио получить. У вас такого не было, что ли? Ты, вообще, где училась?

Я назвала номер своей старой школы. Денис резко остановился.

— Гонишь.

— С чего?

Он некоторое время смотрел на меня, пытаюсь определить, вру я или нет. Потом выражение его лица изменилось, и он спросил почти сочувственно:

— Поперли?

Я помолчала, подыскивая слово, но потом решила согласиться с его определением.

— Поперли.

Он расслабился и двинулся дальше, я зашагала рядом.

— Завалила? Или за политику? — спросил он вроде бы небрежно, но было ясно как день, что ему страшно любопытно.

Я еле удержалась, чтобы не наплести какую-нибудь дикую историю, но честность взяла верх. Правда, вот так вот сразу и начистоту выложить ему всю историю я тоже была не готова. Пришлось уходить от ответа.

— В смысле — за политику? — переспросила я.

— Ну знаешь, сходит чел на митинг, а его потом припирают в школе к стенке, говорят, что ментам сдадут, родителей посадят, — начал объяснять Денис. — Сейчас такое часто. Сам читал.

— Я тоже читала, — кивнула я. — Нет, не за политику.

Мы подошли к перекрестку, и раньше, чем Денис успел снова что-нибудь спросить, я выпалила «Мне туда, пока!» и резко свернула налево. И пошла практически

бегом. Он растерялся и даже не сразу крикнул мне вслед «пока». Этот его запоздалый прощальный крик прозвучал так неприкаянно, что мне стало совестно за свою хитрость. Я обернулась и крикнула:

— Завтра репетиция! После уроков!

И с улыбкой до ушей замахала ему, чтобы показать, какая я дружелюбная.

4

Моя старая школа, в которой я проучилась с первого класса до середины десятого, была пещерой Али-Бабы. Бассейн, телестудия, компьютеры, оркестр, китайский по пятницам, бальные танцы по средам, хоккейная команда, обмен с французами и никакой гнилой капусты на обед. Как я теперь понимаю, конкурсы департамента образования вроде тех, на которые положил свою жизнь Денис, просто меркли по сравнению с великолепием наших собственных конкурсов и событий. О будущем никто из нас не думал, портфолио не собирал, ради поступления куда-либо не старался: если ты уже в правильной школе, вопросов к будущему не возникает. По крайней мере, пока что-нибудь не случится и ты не вылетишь из этой золотой таратайки на ходу.

Фамилия директора была Панкратов, когда-то ее переделали в Домкратов, а потом сократили до Домкрата.

«Домкрат буй» — было написано на каждом стуле и каждой парте, но только не на видной стороне, а на обратной, чтобы не так бросалось в глаза. На подоконнике под цветочным горшком, на двери туалета для учеников, куда учителя никогда не заходят. Написать заветное проклятие на видном месте было бы чересчур смело, на такое никто не решался. Домкрата все боялись по-настоящему. Когда он в первый и последний раз ругал меня, называя избалованной, безответственной, испорченной и манипулирующей своими родителями, я смотрела на его живот, туго обтянутый темно-синей жилеткой, на четыре темно-синие пуговицы, которые двигались вместе с животом в такт вылетающим изо рта словам, и держалась изо всех сил, чтобы не выпустить слезы наружу. Возразить ему, остановить, сказать что-нибудь — это мне даже в голову не пришло. Единственное, что я была способна сделать, — не дать ему увидеть, как по щекам потекут слезы. Мама стояла рядом со мной и тоже ничего не говорила. Когда он устал и закрыл рот, мы ушли.

Потом мама сказала, что молчала ради меня. Если бы я решила все-таки остаться в старой школе, неразумно было бы перечить Домкрату и сердить его. Но я-то не осталась. Через два дня папа ходил в канцелярию и забрал документы. Я с ним туда не пошла. Допустим, я струсил.

Маме мы ничего не сказали — она узнала о том, что я перешла в другую школу, только когда я уже туда пере-

шла. Если бы они с папой к тому моменту уже не разъехались, ему бы не жить. Мама кидала стулья, била тарелки и кричала, что он (папа) испортил мне жизнь и лишил нормального аттестата, что вместо лучшей школы района он отправил меня в клоповник, что теперь я не смогу нормально сдать ЕГЭ и поступить на бюджет, что он запудрил мне мозги своей нищевродской анархической безответственностью, поэт хренов, что он пальцем не пошевелил, когда она надрывалась и продолжает, между прочим, надрываться... Дальше я уже не слушала, «нищевродской» превратилось в моей голове в Бродского, к нему прилепилось «поэт хренов», и я начала строить предположения, как именно поэт Бродский помог папе испортить мне жизнь. Если и есть что-то в моей жизни по-настоящему плохое, так это дни, когда родители кричат и ссорятся. Так что, может, и хорошо, что они разъехались.

Когда мама выдохлась, умылась и начала собирать осколки, я вышла из своей комнаты, остановилась на пороге кухни и четким голосом объявила:

— Папа мне ничего не пудрил. Я сама приняла такое решение. Мне шестнадцать лет!

— Фу-ты ну-ты, — саркастически отозвалась мама и нервно взмахнула веником.

Это прозвучало так обидно, что я чуть не крикнула ей, какая она мерзкая. Но это было бы по-детски. Вместо этого я крикнула:

— Я переезжаю к папе!